КОГДА ОТСУТСТВУЕТ НАУЧНАЯ ДОБРОСОВЕСТНОСТЬ

БАБКЕН АРУТЮНЯН

Каждое новое исследование, посвященное политической истории, развитию социально-экономических отношений и вопросам культуры Алуанка или Кавказской Албании, вызывает определенный интерес особенно у закавказских историков. Недавно издательство «Элм» Азерб. ССР выпустило в свет монографию Ф. Дж. Мамедовой¹. Именно с таким интересом мы взяли в руки книгу Ф. Мамедовой. Однако первое же знакомство с книгой произвело на нас удручающее впечатление. Сразу стало ясно, что автор руководствовалась в своих исследованиях уже готовыми «научными» схемами, к которым старалась приспособить и первоисточники, и свои доводы. «Исследование» автора преследует одну цель—всеми, даже недозволенными средствами «доказать», что историческая Албания охватывала территорию, которую сейчас занимает Азербайджанская ССР, и что армяне Сюника, Арцаха и Утика—албанцы по происхождению. Знак равенства ставится между названиями «Албания» и «Азербайджан», между понятиями «албанец» и «азербайджанец», а Албания провозглашается историческим Азербайджаном. Естественно, при таком предвзятом подходе работа в сущности потеряла свое научное достоинство, большая часть выводов автора не что иное, как декларативные заявления, которые лишены необходимой аргументации. Отвергая положение того или иного исследователя, Ф. Мамедова зачастую не утруждает себя обосновать свою точку зрения, просто называет чужой довод ошибочным, неточным или малоубедительным. Первой нашей мыслью было игнорировать эту работу, как недостойную серьезного внимания. Однако, уловив ее тенденциозность, мы поняли, что это результат не научных заблуждений, а определенной продуманной линии, которая справедливо осуждена, потому что наносит удар по интернациональной дружбе закавказских народов и оскорбляет национальные чувства армянского и грузинского народов.

Автор поставила перед собой задачу убедить читателя в существовании развитой албанской цивилизации, которая во всех своих компонентах и во все периоды якобы была равноценна армянской и грузинской цивилизациям². Для нее Албания представляется единым этничеко-политическим целым, которое располагалось на территории от Кавказских гор до реки Аракс и от Нахчавана (ныне Нахичевань) до Каспийского моря и Талыша³.

«Албанская цивилизация» Ф. Мамедовой не может не иметь своей письменности, и она, проводя «источниковедческие изыскания»,

¹ Ф. Дж. Мамедова, Политическая история и историческая география Кавказской Албании (III в. до н. э. — VIII в. н. э.), Баку, 1986, под редакцией З. М. Буниатова, 284 с.

² Там же, с. 5—42.

³ Там же, с. 85—151. См. также карты, приложенные к книге.

приходит к мысли, что еще до принятия христианства Албания, возможно, имела какие-то письмена, а по всей стране был распространен албанский язык как средство межплеменного общения⁴. Высказывая эту сомнительную мысль и уверовав в нее, автор заключает, что в начале V в. не создается, а реставрируется и реформируется албанское письмо⁵, появление которого, к удивлению «исследовательницы», местная (т. е. албанская) и армянская традиции связывают с именем Месропа Маштоца⁶. По ее мнению, расцвет албанской литературы происходил в V—VII вв., в период существования *самостоятельного албанского государства*, когда там властвовали албанские Аршакиды и затем сменившие их албанские Михраниды⁷. Затем, опираясь в основном на мнение З. Буниатова, Мамедова высказывает мысль, что албанская литература по X в. включительно создавалась на албанском языке, а затем на габаре—древнеармянском. Причем армянская церковь, подвергнув албанцев с помощью арабов григорианизации, постепенно арменизировала албанцев;⁸ армяне же, переводя албанские литературные памятники, уничтожили их оригиналы. Конечно, «богатая» албанская культура должна была иметь и своих многочисленных деятелей, и свои памятники. И пораженный читатель монографии узнает, что «к местной албанской традиции относятся дошедшие до нас нарративные источники: «История албан» Моисея Каланкатуйского, труды Мхитара Гоша—«Албанская хроника», «Житие-мученичество Хосрова Гандзакского»; сочинение Киракоса Гандзакского «История», а также албанские правовые источники—церковные каноны (каноны Агуэнского собора V в. и каноны Партавского собора 705 г., именуемые также канонами Албанского католикоса Симеона) и светские законы («Судебник» Мхитара Гоша)⁹.

Вот оно что! Одним росчерком пера ценнейшие памятники многовековой культуры армянского народа объявляются албанскими, а поскольку, по мнению Мамедовой, албанцы—это сегодняшние азербайджанцы, то и азербайджанскими, несмотря на то, что их большая часть была создана задолго до нашествия турок-сельджуков в Закавказье. Знакомство с использованными Ф. Мамедовой первоисточниками и применяемый ею при этом метод исследования вызывают недоумение. В указанном ею¹⁰ сочинении Евтропия нет ни слова о существовании албанских письмен: «Помпей вскоре пошел войной на албанов и трижды победил царя Орода, но, наконец, умиловленный письмами и дарами, даровал ему прощение и мир»¹¹. Если даже допустить, что албанская письменность существовала, то без сомнения албанский царь Ород посылал бы Помпею письма на понятном или приемлемом для него языке—греческом или, может быть, арамейском. Значит вышеприведенное свидетельство никоим образом не подтверждает предположения автора работы о существовании албанской письменности. Если бы Ф. Мамедова действительно провела

⁴ Там же, с. 5.

⁵ Там же, с. 6—7.

⁶ Там же, с. 7.

⁷ Там же.

⁸ Там же, с. 38—39.

⁹ Там же, с. 8.

¹⁰ Там же, с. 5.

¹¹ Е u r o p., Brev., VI, 14.

анализ источников, она была бы вынуждена констатировать, что в сочинении Корюна и речи нет о восстановлении албанской письменности. А что касается выражения Псевдо-Корюна—«И он отправился в Алуанк и там обновил таким же образом буквенные знаки»,—то оно лишь осмысление нижеприведенных свидетельств оригинала Корюна: «В это самое время приехал к нему некий иерей, алуанец по имени Бениамин. Он (Маштоц) расспросил его, расследовал варварские слова алуанского языка, затем своей обычной проницательностью, ниспосланной свыше, создал письмена (для алуанцев) и милостью Христа успешно взвесил, расставил и уточнил»¹² и «И затем после этого он простился (с католикосом Сааком и царем армянским Арташесом), чтобы отправиться в страну Алуанк. И поехал он в тот край, и прибыл в местопребывание царей; повидался со святым епископом Алуанка, звали которого Иеремией, а также с их царем Арсвалом и всеми азатами. Все они именем Христа покорнейше приняли его. И когда они спросили его, он изложил им цель приезда своего. И они оба равные—епископ и царь, согласились принять эту письменность и издали приказ привести из разных гаваров (провинций) и местностей владычества своего отроков для обучения письменности, собрать их, распределить по группам в школах, в удобных и надлежащих местах и назначить содержание на (их) пропитание»¹³.

Нетрудно заметить, что сочинитель Псевдо-Корюна просто попытался соединить эти два сведения. По-видимому, распространение албанских письмен Бениамином не имело успеха, и Месроп Маштоц был вынужден сам отправиться в Албанию и вдохнуть жизнь в созданную им албанскую письменность. Не случайно говорится, что в Албании у Маштоца приняли готовые письмена, иначе говоря, он обновил или восстановил применение созданных им буквенных знаков. Если бы действительно албанцы до этого имели письмо, Корюн не считал бы их «варварокими, празднобродящими и дикими нравами»¹⁴. Насколько был распространен албанский как средство общения среди албанских племен, явствует из свидетельства Страбона о том, что объединенные в Албанском государстве 26 племен говорили на разных языках и с трудом общались между собой¹⁵. Более того, когда тем не менее Месроп Маштоц изобрел письмо для албанцев—алфавит, по словам Мовсеса Хоренаци, это были письмена гаргарского языка, «богатого горловыми звуками, бесвязного, варварского, в высшей степени нескладного»¹⁶, а не всеобщего албанского. Как бы странным это ни показалось, существование единого албанского этноса отрицает в одной связи сама его приверженница Ф. Мамедова¹⁷.

Ф. Мамедова безуспешно пытается обосновать, что вторая группа рукописей сочинения Мовсеса Каланкатваца «История страны Алуанк» якобы сохранила следы албанской редакции. Доводы, приводимые автором, свидетельствуют о ее некомпетентности как источниковеда. Известно, что если какое-либо произведение переводится,

¹² Корюн, Житие Маштоца, Ереван, 1981, с. 211.

¹³ Там же, с. 212.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Страбон, XI, 4, 6.

¹⁶ «История Армении Мовсеса Хоренского», новый перевод Н. О. Эмина (с примечаниями и приложениями), М., 1893, III, 54.

¹⁷ Ф. Дж. Мамедова, указ. соч., с. 244.

то как бы опытен и искусен ни был переводчик, некоторые особенности переводимого языка сохраняются в переводе. Известно также, что все прежние попытки (В. Гукасян и др.) найти албанизмы в сочинении Мовсеса Каланкатваца были основательно отвергнуты исследователями. Значит, если Ф. Мамедова хочет представить это сочинение армянского историка албанским, она должна «обнаружить» в нем несуществующие албанизмы. Задавался ли автор вопросом, почему «албанец» Мовсес Каланкатвац, проводя этимологии, обращается не к албанскому, а к армянскому (например, *սղմ*—кроткий, мягкий). «История страны Алуанк» в основном компиляция из трудов других армянских авторов и написана на армянском языке армянским автором, который по заказу некоторых представителей княжеского сословия Восточных краев Армении, исходя из требований юридического обоснования их права на создание отдельного царства, связал историю приобретших название Албания армянских Восточных краев с собственно Албанией. Если бы сочинение было переведенным, то известные нам отрывки из сочинений других армянских авторов, которые использовал Мовсес Каланкатвац (Мовсес Дасхуранци), при повторном переводе неузнаваемо изменились бы—явление, которого мы не наблюдаем. А если бы автор не обошла исследования А. Манандяна, Гр. Ачаряна, Н. Акиняна, Н. Адонца, Г. Свзяна, К. Каграманяна, А. Акопяна, Ш. Смбацяна относительно использованных первоисточников и метода их использования Мовсесом Каланкатваца, то увидела бы, что это произведение не представляет собой албанской реалии. Если бы она обратилась к противоречиям этого источника, то убедилась бы, что Мовсесу Каланкатвацу не всегда удается перекрыть данные древних армянских источников в ракурсе географических понятий своего времени. Во многих случаях одна часть сообщения сохраняет нетронутой старую реалию, а другая до неузнаваемости меняется в согласии с политикой, которой он придерживается. Труд Мовсеса Каланкатваца подвергнут подробному источниковедческому анализу А. Акопяном¹⁸, однако Ф. Мамедова, будучи знакома с его работами, по-видимому, опасаясь ввязаться в научный спор и избегая попытки опровергнуть признанные положения и точку зрения исследователя, просто обошла его имя молчанием. Не вдаваясь в разного рода подробности, скажем, что сохранившийся в произведении Мовсеса Каланкатваца «Плач» армянского поэта VII в. Давтака, который написан акростихом по армянскому алфавиту, лучшее свидетельство тому, что это не перевод. Как показывают А. Мнацаканян и П. Севак, если бы сочинение было переведенным, акростих не сохранился бы, как это произошло с другими переводами¹⁹. Как акростих, составленный из 52-х букв албанского алфавита, мог быть превращен в акростих армянского 36-и значного, если даже и отвлечься от разницы в объемах и различий в последовательности знаков в этих алфавитах,—для нас по крайней мере остается загадкой. Обобщая нашу мысль, скажем также, что ставший с легкой руки Ф. Мамедовой албанцем Киракос

¹⁸ См. А. Акопян, Термины «Албания» и «албанцы» в греко-латинских и древнеармянских источниках (семантический анализ) (автореферат канд. днсс., Ереван, 1984).

¹⁹ Асатур Мнацаканян, Паруйр Севак, По поводу книги З. Буннатов «Азербайджан в VII—IX вв.» («Историко-филологический журнал», 1967, № 1, с. 183—184).

Гандзакеци упоминает Мовсеса Каланкатваца в ряду армянских историографов²⁰.

«Всевидящий» глаз Ф. Мамедовой повсюду ищет и «находит» албанских деятелей, как ни пытались армяне «скрыть» это. Однако таинственным образом от ее внимания ускользают все те сведения, которые показывают принадлежность Мхитара Гоша, Киракоса Гандзакеци и других к армянскому народу. Может быть, еще восемь веков назад Мхитар Гош предвидел появление Ф. Мамедовой и чтобы предотвратить недоразумения, неоднократно подчеркивал в своем «Судебнике» и других трудах, что он армянин. Касаясь армянского царя Абгара, он в «Судебнике» пишет: «Наш царь Абгариос»²¹. Обращаясь к грузинам, он писал: «Не слушайте наших врагов, ибо в Армении нет еретиков», а обращаясь к Закарэ и Иванэ Закарянам, сообщает, что не скрывает от них «недостатки нашей нации»²².

Действительно, в названии труда Мхитара Гоша нет слова «армянский», однако это отнюдь не дает право Ф. Мамедовой объявлять последний албанским правовым документом. Вместо пустых разглагольствований и поисков несуществующих реалий и предпосылок ей бы лучше прочесть «Судебник», в самом начале введения к которому говорится: «Глава первая, содержащая ответ тем, которые злословят на нас, что нет суда в Армении»²³. Смешно и даже комично звучат мысли автора о том, что поскольку у армян были и «Книга канонов» и «Судебник» Смбага Спарапета, не было нужды в «Судебнике» Мхитара Гоша; или, если уже существовал «Судебник» Гошэ, зачем надо было создавать век спустя «Судебник» Смбага Спарапета. На эти надуманные измышления не надо было бы и отвечать, но если автор действительно хочет получить ответ на этот вопрос, то мы можем сказать, что будь она более или менее знакома с историей права, ей было бы известно, что «Книга канонов» не может претендовать на роль «Судебника», поскольку выраженные или нашедшие в ней место правовые нормы касаются лишь некоторых отраслей права, а «Судебник» Гоша в этом плане всеобъемлющ. Тот факт, что после армянского «Судебника» Мхитара Гоша в Армении появился «Судебник» Смбага Спарапета, ясно свидетельствует о том, что свод законов Гоша не мог удовлетворить общественные потребности Кпликийской Армении, не соответствовал ее общественному строю, который переплетал в себе черты, свойственные византийскому, крестоносному и частично сельджукскому феодализму. С такой же легкостью Ф. Мамедова объявляет Киракоса Гандзакеци албанцем, «забывая», что последний в своей «Истории» не раз подчеркивает, что он армянин: «наш армянский народ», «наша страна Армения», «о племени стрелков и разорении нашей армянской страны»²⁴ и т. д.

Разве после всего этого не кощунственно заявлять, что «назревали предпосылки возрождения албанской государственности в лице возвышающегося Хаченского княжества, что, очевидно, связано с

²⁰ Киракос Гандзакеци, История Армении, Ереван, 1961, с. 7 (на древнеарм. яз.).

²¹ Мхитар Гош, Судебник. Сводный критический текст, предисловие и комментарии Хосрова Торосяна, Ереван, 1975, с. 28 (на древнеарм. яз.).

²² «Арарат», 1900, с. 497—498.

²³ Мхитар Гош, с. 1.

²⁴ Киракос Гандзакеци, с. 6, 7, 9, 30 и т. д.

*общин культурно-политическим подъемом всей страны. Вообще период XII—XIII вв. считают периодом азербайджанского ренессанса»*²⁵

Для Ф. Мамедовой вопросом вопросов является проблема политических границ Албании. По ее мнению, от III в. до н. э. до VIII в. н. э. то есть в течение 1000 лет, границы Албании с незначительными отклонениями оставались неизменными, охватывая как в античный период, так и в эпоху раннего феодализма территорию от Дербента до р. Аракс, от Иберии до Каспийского моря²⁶.

Автор находит, что южная граница Албании всегда проходила не по реке Куре, а по реке Аракс, а армянские области Арцах и Утик принадлежали Албании²⁷. Причем читателю преподносится мысль, что подобное заключение вытекает якобы из сведений Мовсеса Каланкатваца и Мовсеса Хоренаца. Одним росчерком пера зачеркивая результаты исследований М. Чамчяна, С. Еремяна, К. Тревер, А. Мнацаканяна, Б. Улубабяна и других ученых, игнорируя работы последних лет в этой области, в частности ценную статью А. П. Новосельцева²⁸, отражая в кривом зеркале сообщаемые первоисточниками сведения, Ф. Мамедова пытается доказать недоказуемое. Делая «источниковедческий анализ», автор монографии «забывает» о существовании целого ряда важных источников, открыто фальсифицирует другие, выдвигая свое мнение, больше занимается поисками и критикой маловажных ошибок отдельных исследователей, чем многосторонним, существенным, опирающимся на свидетельства первоисточников анализом поставленных вопросов. Несомненно, она права, когда вопреки мнению К. Тревер и С. Еремяна находит, что Арцах и Утик не завоевывались армянскими царями Арташесом I и Тиграном II. Поначалу кажется, что на основе сообщаемых источниками сведений при здравом рассуждении неизбежен вывод, что упомянутые области и до правления этих царей составляли часть Великой Армении. Но не тут-то было! Автор, исходя из сообщаемого Страбоном факта о завоевании Арташесом I Каспианы, заключает—поскольку греческий географ ничего не говорит об Арцахе и Утике, значит эти области не входили в Великую Армению²⁹. Ф. Мамедова не просто ошибается, а сознательно искажает факты, потому что они свидетельствуют об обратном.

В арменоведческой литературе четко доказано, что северо-восточные границы царства Ервандидов еще до появления Албанского царства проходили по реке Куре. Однако будь автор чуть внимательнее и добросовестнее при использовании армянских первоисточников, ей и без этих изысканий стало бы ясно, что северо-восточные границы Великой Армении в столь интересующий ее период проходили по реке Куре. Так, касаясь борьбы между Ервандом Последним и Арташесом I, Мовсес Хоренаца сообщает: «В области Ути доходит до Еруанда весть, что царь парсийский собрал множество войска и под начальством Смбата отправляет на тебя, для возведе-

²⁵ Ф. Дж. Мамедова, указ. соч., с. 32.

²⁶ Там же, с. 116; см. также карты.

²⁷ Там же, с. 116—127.

²⁸ А. П. Новосельцев, К вопросу о политической границе Армении и Кавказской Албании в античный период («Кавказ и Византия», вып. 1, Ереван, 1979, с. 10—18).

²⁹ Ф. Дж. Мамедова, указ. соч., с. 118—124.

ния молодого Арташеса на царство. Еруанд, услышав это, тут же оставляет многих из своих нахараров для охраны страны, а сам немедленно отправляется в свой город, стягивает к себе войска армянские, иверийские, месопотамийские и стран кесарийских—одним (обещая) дары, других (склоняя) просьбами»³⁰.

Не требуется большой проницательности, чтобы заметить, что Утик, северной и северо-восточной границей которого является река Кура, составляет часть царства Ервандидов. Особенно интересен тот факт, что царь Ерванд собрал вокруг себя армянские и грузинские войска, но об албанском войске не сказано ни одного слова. Вывод недвусмысленен: Албанское царство еще не сформировалось, и правобережье Куры—неотъемлемая часть царства Великой Армении. Интересна другая постановка вопроса Отцом армянской истории: «Между тем Смбат с юным Арташесом спешил прибыть в пределы Утицев. Ему навстречу вышли войска той страны, равно и нахарары, оставленные (там) Еруандом. Другие армянские нахарары, узнав о приближении Смбата, упали духом и начали замышлять (как бы) отложиться от Еруанда»³¹. Ясно, что *наместники Утика— армянские нахарары*, которые перешли на сторону Арташеса, а *другие армянские нахарары* задумали покинуть царя Ерванда. О том, чего стоят так называемые албанские реалии Мовсеса Каланкатваца, ясно видно из того, что, не имея под рукой иных источников, он переиначил сведения Хоренаца, полностью перекроил и приурочил к географическим представлениям позднего периода, вследствие чего данные события у него выглядят так: «Когда же Арташэс напал на Еруанда, последний находился в пределах Алуанка, в гаваре Ути. Оставив там свои войска (Арташэс)³², отправился в свой город. Прибыв туда, он присоединил к себе войска *алуанские*, вышел на берег Геламского озера, где вместе с ними прогнал Еруанда и завладел Арменией»³³. Основу³⁴ этого и подобных искажений чаяти нетрудно. Если во времена Каланкатваца Утик рассматривался как часть Алуанка (армянского), то Ерванд должен был находиться в пределах Алуанка, а стоявшие в Утике войска тоже должны были быть алуанскими. И это в том случае, когда в сообщении Мовсеса Хоренаца, касательно указанных событий, как мы видели выше, понятия «албанец» вообще нет. Это сообщение армянского первоисточника могло вызывать сомнения, если бы оно не нашло подтверждения в греко-римских источниках, однако последние, к сожалению Ф. Мамедовой, единодушно свидетельствуют о том же. Конечно, в труды греко-римских авторов проникли и явные ошибки, искажения фактов, однако многосторонний анализ первоисточников позволяет выяснить, когда мы имеем дело с фактической ошибкой, искажением или недоразумением. Тем не менее, удивительно, автор монографии, как правило, опирается именно на дающие повод к недоразумению сооб-

³⁰ Мовсес Хоренаца, II, 44.

³¹ Там же, II, 45.

³² Издатель ошибся, должен быть Ерванд.

³³ Мовсес Каланкатваца, История страны Алуанк, перевод с древнеармянского, предисловие и комментарии Ш. В. Смбатяна, Ереван, 1984, I, 8.

³⁴ Считаю нужным посоветовать Ф. Мамедовой критически подходить к труду Мовсеса Каланкатваца, так как среди армянских историков он отличается особенно произвольным переработыванием, переосмыслением, а иногда и перефразированием использованных первоисточников.

щения. Но ведь известно—на ошибочной основе не придешь к правильным выводам.

Албанское царство возникло на исторической арене в начале I в. до н. э.³⁵ Так, волнующая Ф. Мамедову южная граница Албании, как показывают исследования С. Еремяна, С. Юшкова, К. Тревер, А. Мнацаканяна, Б. Улубабяна, А. Новосельцева и других, проходила по реке Куре. Но из «источниковедческого анализа»³⁶ горы выясняется, что вышеупомянутые ученые пребывали в счастливом заблуждении—граница проходила не по реке Куре, а по реке Аракс,—точка зрения, которую в недалеком прошлом выдвинул К. Алиев³⁶ и теперь «блестяще обосновывает» Ф. Мамедова. Касаясь проведения К. Алиевым армяно-албанской границы по Араксу, А. П. Новосельцев в свое время писал: «В книге К. Алиева использованы разнообразные источники, в первую очередь античные. Однако некоторые наиболее красноречивые свидетельства греко-римских писателей, не соответствующие его заключению, не приводятся, а на основании других, как представляется, порой делаются не совсем точные выводы»³⁷. Этот вывод признанного арменоведа и кавказоведа полностью относится и к работе Ф. Мамедовой. Хотя последняя отлично знакома с указанным исследованием А. Новосельцева, она сознательно избегает обращения к авторитетному мнению этого ученого и упоминания его имени в связи с этим вопросом.

По мнению Ф. Мамедовой, сообщение Страбона о том, что Сакасена—армянская область³⁸, противоречит другим его сведениям, согласно которым Кура протекает через Албанию³⁹. Заимствуя идею у К. Алиева, но, предпочитая не ссылаться на его работу, она находит, что, поскольку Кура протекала через Албанию, то логически оба ее берега должны были принадлежать Албании⁴⁰. Считаю нужным напомнить автору, что прежде чем объявлять об ошибочности или неточности того или иного сообщения греческого географа, необходимо было провести многосторонний сопоставительный анализ всего его сведений.

Страбон несколько раз свидетельствует о том, что Кура протекает по Албании: «Аракс протекает через Армению, а Кир — через Иберию и Албанию...»⁴¹; «(Река Кир) затем через узкую долину течет в Албанию, между этой долиной и Арменией река мощно проносится по равнинам, весьма богатым пастбищами, принимает еще больше рек, в том числе Алазоний, Сандобан, Ретак и Хан (все судходные), и, наконец, впадает в Каспийское море»⁴²; «Река Кир, протекающая через Албанию, и остальные реки, наполняющие ее, увеличивают плодородие земли, но зато отдаляют ее от моря. ... Вблизи впадает Аракс, бурно текущий из Армении»⁴³.

Уже беглое ознакомление с этими сообщениями показывает, что они не однозначны, а значит не могут послужить основанием для да-

³⁵ Б. Улубабян, О границах древнего Агванка («Вестник Ереванского университета», 1977, № 1, с. 109) (на арм. яз.); А. Акопян, указ. соч., с. 4.

³⁶ К. Алиев, Кавказская Албания, Баку, 1974, с. 121—122.

³⁷ А. П. Новосельцев, указ. соч., с. 10.

³⁸ Strabo, XI, 8, 4.

³⁹ Там же, XI, 4, 2.

⁴⁰ Ф. Дж. Мамедова, указ. соч., с. 119.

⁴¹ Strabo, XI, 1, 5.

⁴² Там же, XI, 3, 2.

⁴³ Там же, XI, 4, 2.

леко идущих выводов и проведения армяно-албанской границы по реке Аракс. Если из первого сообщения следует, что Албания располагалась по обоим берегам реки Куры, иными словами, и на ее правобережье, то с тем же успехом можно заключить, что и Армения находилась по обе стороны от реки Аракс, причем в районе ее нижнего течения. Следовательно, Аракс никоим образом не могла быть южной границей Албании. Однако, если иметь в виду, что в указанном сведении Албания упоминается вместе с Иберией, черекоторую действительно протекала Кура, то логично предположить, что мысль о протекании Куры через Албанию механически возникла под влиянием географического расположения соседней страны. Что касается второго сообщения, то обстоятельство протекания Куры через Албанию, о котором говорится в неопределенной форме в его первой части, полностью отрицается его продолжением. Становится ясным, что якобы протекающая через Албанию Кура в действительности является пограничной между Албанией и Арменией, значит Албанию локализовать и на правобережье Куры невозможно. Интересно, что 4 упомянутых притока Куры, как в свое время отмечала К. Тревер⁴⁴, относятся к левобережью реки и перечисляются по порядку от запада на восток. С географической точки зрения в пользу такого вывода говорит и тот факт, что все они в отмеченный период были судоходны,—обстоятельство, которое не может касаться не отличающихся многоводием правобережных притоков. Думаем, что в пользу этого мнения говорит и название поселения Зардоб, которое сохранило название упомянутой Страбоном реки *Σαρδοβάνης*. По всей вероятности, в «Географии» Страбона первоначально было *Σαρδοβάνης*, что и отождествляется с рекой, называемой ныне Туриан или Туриан-чай, которая именно у Зардоба впадает в Куру. Если наша локализация верна, то реки, ныне называемые Гёкчай и Гирдыманчай, это соответственно *Ῥοστάνης* (возможно *Ῥοστάνης*) и *Χαυτής*. Теперь, если в свете этого анализа обратиться к третьему сообщению Страбона, становится очевидным, что «Река Кир, протекающая через Албанию», в действительности протекала по ее южной пограничной линии, а выражение «и остальные реки» касается только левобережья Куры. Но ведь именно на этих фрагментах построена установка Ф. Мамедовой, которая полностью опровергается, когда обращаемся к другим сведениям Страбона. Так, о плодородии армянских земель он пишет: «В самой Армении много гор и плоскогорий, где с трудом растет даже виноградная лоза; много там и долин, причем одни из них не отличаются особенным плодородием, другие же, напротив, чрезвычайно плодородны, например, равнина Аракса, по которой река Аракс течет до границ Албании, впадая в Каспийское море. За этой равниной идет Сакасена, тоже граничащая с Албанией и с рекой Киром; еще далее идет Гогарена»⁴⁵. Какой отсюда можно сделать вывод? Прежде всего, что Сакасена—Шакашен—составная часть Армении, которая граничит с Албанией по реке Куре⁴⁶. Затем, может быть, не ос-

⁴⁴ К. В. Тревер, Очерки по истории и культуре Кавказской Албании, IV в. до н. э.—VII в. н. э., М.—Л., 1959, с. 41.

⁴⁵ Страбон, XI, 14, 4.

⁴⁶ Если следовать «логическим» принципам Ф. Мамедовой, то нетрудно объявить, что Армения занимала территорию по обе стороны от реки Куры и «обосновать» это следующим сообщением Страбона: «В стране (Армении—Б. А.) течет

мысля. Страбон свидетельствует о двух рукавах Аракса, один из которых течет до границы Албании, иными словами, впадает в Куру, пограничную реку, а другой впадает в Каспийское море. Притом долина Аракса—Араксена является одной из плодородных областей Армении и граничит с армянской Сакасеной, по ту сторону которой находится Гугарк—тоже армянская область. Принадлежность Сакасены—Шакашена и Араксены Армении греческий географ подтверждает и по другим поводам: «То же имеет место и в области Матиане в Мидии и в Сакасене и Араксене в Армении»⁴⁷; «Так они (саки—Б. А.) захватили Бактриану и завладели лучшей землей в Армении, которой они оставили название от своего имени—Сакасена»⁴⁸.

Более того, греческий географ имеет четкие сведения о том, что армяно-албанская граница в одном месте проходила по находящейся к северу от Куры территории: «Провинцией Армении являются Фавена, а также Комисена и Орхистена (правильно, конечно, *Орхистена*—Б. А.), выставляющая наибольшее число всадников. Хорзена и Камбисена—самые северные и больше всех покрыты снегом, они находятся на границе с Кавказскими горами, с Иберией и Колхидой»⁴⁹ и «а последнюю сторону (Албании—Б. А.) образует Армения, граничащая с ней; Армения частично представляет равнину, частью же—гористая страна, подобно Камбисене, где армяне граничат одновременно с иберийцами и албанцами»⁵⁰. То, что страбовновская Орхистена—это область Арцах Великой Армении и в данном сообщении тоже считается частью Армении, у исследователей не вызывало сомнений. Даже Ф. Мамедова отождествляет их: «Историческая провинция Арцах (у армянских авторов), Орхистена (у антич.)», хотя считает Арцах частью Албании⁵¹. Но ведь нахождение Арцаха в Армении исключает прохождение армяно-албанской границы по Араксу.

Камбисена—это Камбечан армянских источников (в том числе и в труде Мовсеса Каланкатваца), Камбечовани—грузинских источников и находилась к северу от Куры, следовательно, армяно-албанская граница по крайней мере на местности между слиянием рек Куры и Агстев, Куры и Алазани проходила по территории к северу от Куры. Понятно, что в таких условиях не может быть и речи о расположении Албании по правобережью Куры и принадлежности ей Утика и Арцаха.

Пытаясь провести границу Албании по Араксу, Ф. Мамедова, если бы имела элементарные исследовательские историко-географические навыки и не прибегала к надуманным трактовкам, обратила бы внимание на еще одно свидетельство Страбона: «Эта крепость (Вера—Б. А.) находится в 2400 стадиях от реки Аракса, отделяющей Армению от Атропатены...»⁵², которое дополняет его сообще-

несколько рек. Самые известные из них—Фасис и Лик—впадают в Понтийское море (Эратосфен неправильно пишет вместо Лика Фермодонт), тогда как Кир и Аракс—в Каспийское море, а Евфрат и Тигр—в Красное» (XI, 14, 7). Если Кура течет по Армении, значит и ее правобережье и левобережье входят в Армению. Но ведь это сведение противоречит другим данным и фактам.

⁴⁷ Strabo, XI, 7, 2.

⁴⁸ Там же, XI, 8, 4.

⁴⁹ Там же, XI, 14, 4.

⁵⁰ Там же, XI, 4, 1.

⁵¹ Ф. Дж. Мамедова, указ. соч., с. 104.

⁵² Strabo, XI, 13, 3.

ние—«Наконец, на западе Мидия (Великая—Б.А.) граничит с атропатийцами и частью армян»⁵³.

Соседство Великой Мидии с Арменией было возможно только в районе Каспа, причем при условии нахождения Гелан-Гелайка в границах Великой Мидии. В остальных отрезках Армянское царство граничило с Атропатеной или Малой Мидией. Естественно, если руководствоваться только приведенными выше двумя свидетельствами Страбона, то Армения только междуречьем Аракса и Куры могла связываться с Каспком. Оставив в стороне выяснение всех вопросов, касающихся армяно-атропатенской пограничной линии, и, в частности, то обстоятельство, что она большей частью проходила по протянувшимся к югу от Аракса Арменийским и Каспийским горам, отметим, что река Аракс не могла быть южной границей Албании, поскольку, согласно Страбону, по ней проходила часть армяно-атропатенской границы. Значит, прав или греческий географ, или «исследователь» XX века Ф. Мамедова, которая, делая свои выводы, тем не менее вынуждена обращаться к сообщениям античных авторов, в том числе и Страбона. Спор, конечно, независимо от чьего-либо желания решается в пользу амасийского географа, достоверность сообщений которого подтверждают другие греко-римские авторы.

Как бы неприятно это ни было Ф. Мамедовой, Кура оставалась армяно-албанской границей до падения Армянского царства Аршакидов. В хронологическом отношении следующим, кто свидетельствует об армяно-албанской границе по Куре, был Плиний Старший, согласно которому «всю равнину, начиная от реки Кира, заселяет племя албанцев» и «Это племя, расселившееся по Кавказским горам, доходит, как сказано, до реки Кира, составляющей границу (и) Армении и Иверии»⁵⁴. Во II в. это показывает и Клавдий Птоломей: «Области Армении в части, заключающейся между Евфратом, Киром и Араксом, суть следующие: у Мосхийских гор—Катарзена, выше так называемых бохов, вдоль реки Кира Обарена (т. е. Гогарена—Б. А.) и Отена; вдоль реки Аракс Колтена и ниже ее Содукена; у горы Парнадра Сиракена и Сакасена...»⁵⁵; «Великая Армения ограничивается с севера частью Колхиды, Иберией и Албанией по выше-сказанной линии, проходящей по реке Кир»⁵⁶. Данным упомянутых авторов относительно Куры как пограничной реки между Арменией и Албанией идентичны также сообщения Аппиана⁵⁷, Плутарха⁵⁸, Диона Кассия⁵⁹, Квадрата, Стефана Византийского⁶⁰ и др. Плиний, Квадрат и Стефан Византийский также упоминают Утик в качестве области Армении. В этой связи абсолютно прав и А. П. Новосельцев, когда пишет: «...у всех античных авторов I—II вв. граница между армянским и албанским царствами проходит по реке Куре...»⁶¹.

После всего этого чего стоят заявления Ф. Мамедовой относи-

⁵³ Там же, XI, 13, 6.

⁵⁴ P l i n., Nat. Hist., VI, 28—29, 39.

⁵⁵ P t o l., Geogr., V, 12, 4.

⁵⁶ Там же, V, 12, 1.

⁵⁷ A p p., Mithr., 103.

⁵⁸ P l u t., Rompr., XXXIV.

⁵⁹ D i o C a s s., XXXVII, 53, 54.

⁶⁰ S t e p h. Byzantii Ethicorum. см. Ὀβάρηνή и Ὠτῆνῆ.

⁶¹ А. П. Новосельцев, указ. соч., с. 16.

тельно договора, заключенного между Тиграном Великим и Помпеем в 66 г. до н. э., или вокруг политического положения Армении в период от 66 г. до н. э.—387 г. н. э., которые направлены на «обоснование» ее мнения о существовании армяно-албанской границы по реке Аракс. Если даже следовать логике автора, по которой Армения была подвластна Риму или Риму и Парфянскому государству одновременно, а Албания управлялась местными царями, то возникнет не менее логичный вопрос—почему римляне, вместо того, чтобы оставить столь волнующие Ф. Мамедову территории подчиненному им государству, должны были отдать их неподвластному им государству и тем самым усилить его, как склонна думать Ф. Мамедова. Следует сказать, что очень часто эта двойная зависимость страны была более близка к независимости, чем так называемая формальная зависимость Албании от парфян. Наконец, как ясно свидетельствует Страбон, статус Албании или Иверии в глазах римлян был не выше, чем Армении⁶², а если последней занимались больше, чем другими закавказскими странами, то это объясняется величиной территории и населения Армении, военным потенциалом и стратегическим положением, когда переход Армении на сторону Рима или Парфянского государства существенно нарушал стратегическое равновесие в пользу одного или другого.

Сообщения армянских первоисточников не только дополняют, но и заново подтверждают свидетельства греко-римских авторов. Ф. Мамедова, с одной стороны, высоко оценивает их роль в деле изучения истории Албании, с другой—старается приписать им тенденциозность, которая якобы «четко проявлялась при описании ими истории смежных стран, соседних народов—Иберии, Албании»⁶³. И автор, воодушевленный успешным «логическим» разгромом сообщений греко-римских первоисточников или просто заявлением об их «неправильности», приступает к развенчанию достоверности данных армянских первоисточников. По поводу труда Фавстоса Бузанда она пишет: «Фавстос Бузандаци (правильно Бузанд—Б. А.) писал свой труд, как известно, в конце V в., после потери Арменией своей государственности и ликвидации власти армянских Аршакидов (428 г.). Чтобы идеологически подготовить население к антиперсидскому восстанию (450—451 гг.), необходимо было создать труд, гиперболизируя изображение мощи Армении, ее территориальную целостность».

А восстановить территорию в ее исконных пределах было невозможно, ибо территория исторической Армении была поделена между двумя крупными империями того времени—Византией и Персией. Неубедительно звучит точка зрения армянских историков, которые считают, что в этих условиях возможно увеличение пределов Армении за счет соседних стран, вассальных от Византии и Персии, т. е. за счет Иберии, Атропатены и Албании. С этой целью Фавстос Бузандаци включает в состав Армении (в 371 г.—авт.) наряду с другими землями и албанские области правобережья Куры—Ути, Арцах и Пайтакаран»⁶⁴.

Читаем и удивляемся. Как должен был Фавстос Бузанд в конце V в. (точнее 70-е годы V в.) идеологически подготовить антипер-

⁶² Strabo. VI, 4, 2.

⁶³ Ф. Дж. Мамедова, указ. соч., с. 42.

⁶⁴ Там же, с. 125.

сидское восстание армян 450—451 гг., по крайней мере для нас остается загадкой? Или же как готовящиеся к восстанию армяне претендовали на земли дружественных и союзных народов, территории, которые никогда не входили в состав армянского государства—просто не поддается никакому объяснению. Наконец, о какой точке зрения армянских историков может идти речь, когда тот или иной автор, описывая события IV—V вв., дает сведения и о политических границах Великой Армении. Автор обвиняет их, причем совершенно безосновательно, в таких грехах, каковые характерны как раз для ее монографии. И если к этому прибавить тенденцию автора отметить неугодные первоисточники, выдвигать суждения, ссылаясь на того или иного исследователя или на его давно признанные ошибочными мнения,—станет ясным, какова цена «анализа» Ф. Мамедовой.

Ф. Мамедова опосредованно преподносит мысль, что в вопросе армяно-албанской пограничной линии следует опираться на сведения Мовсеса Каланкатваца и Мовсеса Хоренаци и, наоборот, не доверять данным Фавстоса Бузанда и «Ашхарауцца» (Армянская география), которые якобы являются единственными аргументами в пользу проведения этой границы по Куру. Автор попросту скрывает истину, потому что сведения Фавстоса об армяно-албанской границе по Куру и о ее восстановлении армянским спарпетом Мушегом Мамеконом в 371 г. находят свое подтверждение в трудах Агатангелоса Корюна, Мовсеса Хоренаци, Ухтанеса, в «Разрядной грамоте», «Воинской грамоте» и, конечно, в «Ашхарауцце». Более того, об этом сохранил свидетельство и Мовсес Каланкатвац, которому не всегда удавалось приспособлять старые реалии к современным ему административно-политическим понятиям. Приведем один пример. «Он (Месроп Маштоц) возобновил и укрепил веру христианскую, распространив проповедование Евангелия в гаваре Ути, в Алуанке, в Лпинке, в Каспи, до ворот Чора»⁶⁵. Комментарии излишни. Здесь ясно сказано, что географически Албания и Утик—разные единицы. Эта политическая ситуация четко засвидетельствована современником событий Корюном: «...отбыл (Месроп Маштоц) из края Алуанка, чтобы прибыть в страну Иверию. И когда доехал он до Гардманского ущелья, вышел ему навстречу ишхан Гардмана по имени Хурс...»⁶⁶. Перевод приблизительный, т. к. в оригинале ясно отмечается, что Маштоц возвращался из Албании с намерением отправиться в Иверию (Вирк), иными словами, на отрезке Гардманского ущелья двигался по Армении. Мовсес Хоренаци, которому Ф. Мамедова отвела роль утвердителя своей версии, прямо или косвенно подтверждает, что Кура—пограничная река Великой Армении. По поводу нашествия аланов на Армению он сообщает, что армянское войско закрепилось на южном берегу Куры, а аланское—на северном. Судя по содержанию сообщения, армянская армия достигла границы Армении, а аланы покинули армянскую территорию и после захвата в плен своего царевича были готовы начать мирные переговоры⁶⁷. По другому поводу великий армянский историк сообщает о походе кавказских горцев под предводительством некоего Внасепа Сурхапа на Армению, во время которого они перешли на правый берег Куры, где навстречу им выступил армянский царь Вагарш, рас-

⁶⁵ Мовсес Каланкатвац, I, 27.

⁶⁶ Корюн, с. 213.

⁶⁷ Мовсес Хоренаци, II, 50.

сеял их полчища, преследуя до ущелья Чора⁶⁸. Другое сообщение: Отца армянской истории, с которым так много надежд связывает Ф. Мамедова с целью показать, что река Аракс являлась пограничной для Албании, в сущности отрицает ее точку зрения. Мовсес Хоренаци пишет: «На восточной стороне, на окраине армянского говора (назначает Вах'аршак) наместниками родоначальников двух родов—Сисака и Кадмоса, имена которых приведены нами в Первой Книге.

За сим царь назначает Арана, мужа именитого, первого в деле мудрости и разума, наместником страны северо-восточной, великой, славной и густонаселенной, близ большой реки, прорезывающей великую равнину и называемой Куром. Но знай, что я забыл в Первой Книге упомянуть об этом великом и именитом роде, т. е. о роде Сисака, которому выпала в наследство Ах'ванская ранина с ее горной частью, начиная от реки Ерасха до крепости, называемой Хнаракерт'ом, и что страна эта по кротости нрава Сисака названа Ах'ванк, так как ему самому название было Ах'у. Из рода последнего парфянин Вах'аршак назначает именитого, храброго Арана правителем страны с десяти тысячной (дружиной). Говорят, от потомков Арана происходят племена—Утицы, Гардманцы, Цодэцы и княжество Гаргарское⁶⁹. Надо ли говорить, что это сообщение Хоренаци по крайней мере не относится к известной, вернее желанной Ф. Мамедовой Албании, потому что наместничество Арана находилось в междуречье Куры и Аракса «на окраине армянского говора», простиравшись до крепости Хнаракерт, иными словами, на севере имело границей реку Куру. Аран—обычный сановник армянского царя, наместник, значит, видеть в нем родоначальника албанцев, как в лице Хайка—прародителя армян,—никак невозможно. В труде Хоренаци, как и у использовавшего его Мовсеса Каланкатваца, Аран происходит из рода Хайка, однако Каланкатвац, занимаясь компиляцией, не заметил, что в другой связи он считает албанцев происходящими не от Торгома, а от киттийцев⁷⁰. Более того, как ясно видно из книги Мовсеса Каланкатваца, он переделал и одновременно исказил сообщение Хоренаци, вследствие чего оно приобрело следующий вид: «*Образование Валаршаком княжества Алуанк*—Здесь начинается (история) княжества страны Алуанк. От начала сотворения человеческого рода до царя армянского Валаршака о проживающих близ высоких гор Кавказа мы не можем ничего достоверного рассказать слушателям. При установлении порядка у жителей северных он созвал (представителей) пришлых диких племен, живущих в северной равнине и у подножия Кавказских гор, в долинах и ущельях к югу, до того места, где начинается равнина, и приказал им прекратить разбой и вероломство, платить покорно царские подати. Затем (царь) назначил им вождей и правителей, во главе которых по приказу Валаршака был поставлен некто из рода Сисака, одного из потомков Иафета, по имени Аран, который унаследовал долины и горы страны Алуанк, от реки Ерасх до крепости Хнаракерт [*Հնարակերտ*]. Из-за его (Арана) мягкого нрава страна эта была названа Алуанк, ибо из-за мягкого нрава звали его Алу. Многие храбрые и знатные из потомков этого Арана, говорят, были назначены Валаршаком. Парт-

⁶⁸ Там же, II, 65.

⁶⁹ Там же, II, 8.

⁷⁰ Мовсэс Каланкатвац, I, 2.

вом наместниками и тысячниками. От его (Арана) сына произошли племена Утийского, Гардманского, Цавдейского, Гаргарского княжеств⁷¹. По собственному признанию, у Мовсеса Каланкатваца под рукой не было достоверных источников относительно периода до воцарения Вагаршака в Армении, а сведения о нем он просто черпнул из труда Хоренаци, частично—из VI главы I книги, в другой части—из VIII главы. Причем, вследствие эклектического соединения двух элементов, не связанных между собой событий, изложение Мовсеса Каланкатваца стало противоречивым. Исходя из административных реалий позднего периода, а также центробежных устремлений части княжеского сословия Восточных краев Армении, пытаясь объявить правобережье Куры Албанией, историк, не осознавая, отделяет ее жителей от диких пришлых племен собственно Албании, выражая в сущности отношение армян правобережья к пестрому населению левобережья Куры. Затем, с одной стороны, показывая расположенность Албании по обеим сторонам Куры, он вынужден констатировать, что наместничество Арана включало территорию от Аракса до крепости Хнаракерт и что именно на этой территории позднее появились княжества Утийское, Гардманское, Цавдейское и Гаргарское. Мовсес Каланкатваца написал историю Албанского марзпанства, в которое по понятным причинам не входил Сюник, и потому желая приспособить сведения Хоренаци к событиям марзпанства, в отличие от Мовсеса Хоренаци, мягкий нрав (*աղու*) приписывает не Сисаку, а Арану. После всего этого говорить о Мовсесе Хоренаци как об авторе VIII века и о каких-либо албанских реалиях, якобы сохранившихся по этому вопросу в произведении Каланкатваца,—просто смешно.

Но нет! Выясняется, что именно с их помощью Мамедова пытается подвергнуть сомнению сведения «Ашхарацуйца». Она пишет «К данным Фавстоса Бузандаци восходит и «Армянская география VII в.» Анания Ширакаци, в которой говорится: «Исконная страна Албания та, которая между р. Курой и горой Кавказом»⁷². «Ашхарацуйц», который несомненно не причастен к сочинению Фавстоса Бузанда, отразил положение, когда название Албания распространилось на правобережье Куры, однако в нем четко различаются собственно Албания и входящие в состав Албанского марзпанства армянские области.

Ныне, благодаря доскональному анализу первоисточников, доказано (Б. Улубабян, Б. Арутюнян, А. Акопян)⁷³, что Арпах и Утик вошли в Албанское марзпанство не в 387 г. (значит, напрасны старания Ф. Мамедовой обнаружить какой-либо документ, отражающий переход этих областей к Албании в 387 г.), в после 428 г., т. е. между

⁷¹ Там же, I, 4.

⁷² Ф. Дж. Мамедова, указ. соч., с. 126.

⁷³ Б. Улубабян, К вопросу об административно-политическом положении северо-восточной Армении в домарзпанский период («Вестник Ереванского университета», 1975, № 2, с. 149—164); Б. Арутюнян, Административно-политическое состояние северо-восточных областей царства Великой Армении в 387—451 годы. («Вестник Ереванского университета», 1976, № 2, с. 77—95); его же. К вопросу о датировке «Гатнамака» («Историко-филологический журнал», 1976, № 2, с. 57—74) (все на арм. яз.); его же, Административное деление закавказских владений Сасанидского Ирана согласно труду Елише («Кавказ и Византия», вып. I, Ереван, 1979, с. 19—35); А. Акопян, указ. соч.

428—451 гг. И. следовательно, притворная неосведомленность при утверждении «Кажется неточным утверждение, что при разделе Армении между двумя империями окраинные области ее отдала соседним странам—Иберии, Албании... Если эти области были армянскими, то какая же была необходимость у этих держав заботиться об Албании и Иберии?»⁷⁴, говорит о научной недобросовестности автора и искажении фактов. А если она действительно не поняла этой «необходимости», мы можем объяснить ей весь механизм этой политики. Прежде всего надо бы знать, что римско-персидский договор 387 г., по которому царство Великой Армении было поделено между двумя державами, прежде всего относился к проходящей через Армению персидско-римской пограничной линии, следовательно, он не мог касаться вопросов административного урегулирования отошедших к Риму или Персии областей. Считаю нужным отметить также, что раздел Великой Армении в 387 г. не был чисто политическим событием армянского значения, но являлся определенным политическим актом, который в аспекте международного права окончательно устанавливал владычество Сасанидской Персии также и над Иберией и Албанией. Единственным преимуществом последних было то, что они полностью подпали под власть Персии. Сасанидские правители, которые отнюдь не заботились ни об армянах, ни о грузинах и албанцах, провели, причем не сразу, крупные административные изменения, вследствие которых ряд армянских областей был присоединен к созданным ими же Иберийскому и Албанскому марзпанствам. Считаю излишним отметить, что роль и значение Иберийского и Албанского царств, которые Ф. Мамедова склонна преувеличивать, были намного скромнее, чем лишенной царской власти Восточной Армении. Даже лишенное своих окраинных провинций Армянское марзпанство в глазах персидских владык представляло большую опасность и значительную силу, а отношения с ним определялись прочностью их гегемонии в Восточном Закавказье⁷⁵. Постоянный страх, что армяне могут с помощью византийцев попытаться сбросить персидское иго, вынуждал персидский двор предпринимать шаги в направлении разобщения административной целостности Восточной Армении, что стало возможным после упразднения царства армянских Аршакидов. Вводя армянские области в Албанское марзпанство, персы одним ударом попадали в две мишени—с одной стороны, обессиливали армянский народ; лишали его административной цельности, с другой—в корне меняли этническую однородность этого марзпанства (если, конечно, можно говорить об этнической однородности Албанского царства, которое персы раздробили на Албанское, Лпинское и Баласаганское царства). Поэтому и армянские области со своим однородным армянским населением, спустя некоторое время, превратились в экономический, политический и культурный центр Албанского марзпанства.

Ф. Мамедова или пребывает в блаженном неведении, или сознательно искажает факты, когда пытается объявить Пайтакаран частью Албании. По ее мнению, Пайтакаран—Каспк, который якобы соответствовал Баласагану, будучи захвачен армянским царем Арташесом I оставался в составе Армении до 55 г. до н. э., а затем перешел к Албании или Атропатене и в IV в. окончательно превра-

⁷⁴ Ф. Дж. Мамедова, указ. соч., с. 126—127.

⁷⁵ Лазар Парпеци, История Армении, Тбилиси, 1904, I, 12.

тился в албанскую провинцию. Подобно другим исследователям она отождествляет город Пайтакаран с Байлаканом и находит, что в 336—338 годах в Пайтакаране правил мазкутский царь Санатрук. Якобы опорная точка Сасанидов—Пайтакаран—со времен Вачзгана Благочестивого (488—510) окончательно превратилась в албанскую область, а Себеос ошибался, указывая на его нахождение в составе Атропатены⁷⁶. Если основанием для ее заключения является сообщение Страбона—«К области албанцев принадлежит и область Каспиана, названная по исчезнувшему теперь племени, именем которого названо и море»⁷⁷,—то ей следовало бы знать, что существовала и албанская Каспиана, о которой сохранились сведения в краткой редакции «Ашхарацуйца», у Мовсеса Каланкатваца и у Ансима Равенского. Она находилась на левобережье Куры, на границе с Лпинком и Чолой, на берегу Каспийского моря⁷⁸. Косвенно это подтверждают и сведения Себеоса и Левонда о том, что Каспийские ворота находились к северу от Куры, в районе Чора⁷⁹. Эта Каспиана, которая, может, и отождествляется с Баласаганом, потому что Пайтакаран—Каспк, согласно «Ашхарацуйцу», находился к югу от Ерасха и после падения Армянского царства был присоединен к Атропатене: «Пайтакаран, к востоку от Ути, на Араксе имеет 12 областей, которыми владеет ныне Атрпатакан»⁸⁰. То, что Пайтакаран не входил в Албанское марзпанство, засвидетельствовано и Мовсесом Каланкатваца, согласно которому владения Джуаншира не распространялись на находящиеся к югу от Аракса земли⁸¹. Что же касается действительной административно-политической истории Пайтакарана, то будучи завоевана Арташесом I во II в. до н. э. у мидян, эта область составляла с незначительными перерывами часть Великой Армении до ее падения,—факт, который констатируют Страбон, Плиний Старший, Птоломей, Фавстос Бузанд, Мовсес Хоренаци, «Воинская грамота», «Разрядная грамота», «Ашхарацуйц»⁸².

Сочтя вопрос принадлежности Утика, Арцаха и Пайтакарана решенным, Ф. Мамедова из подверженных албанизации областей превращает в мишень область Сюник исторической Армении и входящие в Васпуракан провинции Нахчаван и Голти. Особенно не вдаваясь в многостороннее изучение первоисточников,—обстоятельство, которое представляется ей мелочью в ее системе источниковедческого исследования,—искажая некоторые факты и ссылаясь на мнения Г. Гюбшмана, И. Маркварта, Н. Адонца, Гр. Ачаряна, Ст. Малхасянца и других, она пытается убедить читателя, что Сюник принадлежал Ал-

⁷⁶ Ф. Дж. Мамедова, указ. соч., с. 97—100.

⁷⁷ Страбон, XI, 4, б.

⁷⁸ К. П. Патканов, Армянская география VII века, СПб., 1877, с. 16; *А по п у т и Р а в е н н а т и s, C o s m o g r a p h i a, B e r o l i n i, II, 12, p. 68; М о в с е с К а л а н к а т в а ц а, I, 27.*

⁷⁹ «История Себеоса», Ереван, 1979, с. 173; «История великого Левонда-армянского вардапета», СПб., 1877, с. 40, 160.

⁸⁰ К. П. Патканов, указ. соч., с. 50, 16.

⁸¹ Мовсес Каланкатваца, II, 28.

⁸² На этой основе было бы правильно, чтобы Ф. Мамедова вместо заявления—«Б. Арутюнян дает иную локализацию области Пайтакаран—южнее р. Аракс. Попытки аргументация его представляются нам малоубедительными (с. 260)»,—сама бы привела несколько аргументов, доказывающих обратное.

блании⁸³. Между тем, когда обращаешься к работам указанных авторов, выясняется, что они не содержат таких мыслей, которые приписывает им Ф. Мамедова. Даже Н. Адонц, который ошибочно предполагал существование в Сюнике рядом с армянами и албанцев, никогда не ставил под сомнение политическую принадлежность Сюника Армении⁸⁴. Так что, если бы автор работы обратилась к первоисточникам, то убедилась бы, что они не содержат никаких фактов о том, что Сюник входил в состав Албании или об этнической общности Сюника и собственно Албании. Значит, безосновательно, неаргументированно мнение автора о том, что «Этнически, культурно и политически он (Сюник) больше был связан с Албанией и Атропатеной, чем с Арменией»⁸⁵. Эта точка зрения Ф. Мамедовой так абсурдна, что мы считаем бессмысленным опровергать ее всеми первоисточниками, которые свидетельствуют, что Сюник до 428 года был неотъемлемой частью царства Великой Армении, в 428—571 гг. являлся важной областью Армянского марзпанства, в 571—640 гг. — шахром Атропатенского марзпанства, после чего вошел в наместничество «Арминия» Арабского халифата. Месроп Маштоц, распространяя армянскую письменность, провел большую работу в Сюнике, сюникские князья были постоянными участниками всех важнейших мероприятий Армянского царства, марзпанства и армянской церкви, занимали высокие государственные должности в царстве, а Васак Сюни стал армянским марзпаном. Если бы автор была знакома с последними исследованиями, она бы знала, что в надписи Кааба-Зардушта Шапура I (III в.) в парфянском варианте упоминается не «Сюник», а «Сикан», который соответствует «Махелонии» греческого варианта, что убедительно показали А. Марик и Г. Меликишвили⁸⁶.

Касаясь сведения Себеоса об административном включении в 571 г. Сюника в Атропатенское марзпанство, Ф. Мамедова пытается заключить, что Сюник «зависел то от Албании, то от Атропатены»⁸⁷. Для Ф. Мамедовой является вопросом чести любой ценой показать принадлежность гаваров Нахчаван и Голтн Албании. То, что эти гавары в определенные периоды истории составляли часть Сюника, — не секрет для арменоведов⁸⁸. Но брать этот факт в качестве отправной точки и утверждать, что будучи составной частью Сюника, они автоматически входили в Албанию, значит идти на прямой подлог, потому что все первоисточники отрицают даже административную связь Сюника с Албанским марзпанством. Если руководствоваться усвоенными Ф. Мамедовой принципами, надо будет заключить, что не армянские гусаны Голтна воспевали армянских героев, царей и языческих богов, а албанские, что Фавстос Бузанд ошибался, свидетельствуя о существовании в городе Нахчаване армян и насильственно переселенных евреев, что не надо верить сообщению Корюна о том, что Месроп Маштоц, проповедуя в Голтне, понял необхо-

⁸³ Ф. Дж. Мамедова, указ. соч., с. 105—108.

⁸⁴ Н. Адонц, Армения в эпоху Юстиниана, СПб., 1908, с. 299 и т. д.

⁸⁵ Ф. Дж. Мамедова, указ. соч., с. 106.

⁸⁶ См. Г. А. Меликишвили, К истории древней Грузии, Тбилиси, 1959, с. 353—354.

⁸⁷ Ф. Дж. Мамедова, указ. соч., с. 106.

⁸⁸ Б. А. Арутюнян, Область Васпуракан Великой Армении по «Ашхарациуцу» («Армянской географии») («Вестник Ереванского университета», 1983, № 3, с. 125—126) (на арм. яз.).

димось создания армянских письмен и т. д. Даже те периоды, на протяжении которых Ф. Мамедова отмеченные гавары «великодушно» признает частью Васпуракана, не отражены на картах, приложенных к монографии. Если бы эти территории сейчас не находились в составе Нахичеванской АССР, то автор не дошла бы до такого абсурда.

После всего этого возникает вопрос об этнической принадлежности этих краев и распространении понятия Албания на Утик и Арцах. Как уже было сказано, во времена Страбона в Албанском царстве были объединены 26 племен, которые говорили на разных, непонятных друг другу языках. Этноним «Алуан» или «Албан» не относился к какому-либо племени и, по-видимому, имел географически-территориальное происхождение. Первоначально это царство доходило до Каспийского моря и занимало территорию нынешнего южного Дагестана⁸⁹, однако, когда в начале III в. Албания потеряла приморские области, жители последних уже никогда не назывались албанцами и их этническое развитие проходило под их племенными названиями (лезгины, удины, табасаранцы, агулы, рутулы, цахуры и т. д.). Этнической консолидации албанских или так называемых албанских племен не отмечалось в III в., не происходило также в дальнейшем, — обстоятельство, которое один раз вынуждена была констатировать и сама Ф. Мамедова⁹⁰. Во всяком случае даже письмена были созданы не для какого-то общеалбанского языка, а для гаргарского.

А какова была этническая картина Восточных краев Армении?

Как мы видели из сведений Мовсеса Хоренаци, северо-восточные провинции Великой Армении имели армянское население. Сисак и Аран, которые представляют население Сюника, Арцаха и Утика, согласно Хоренаци, происходят от Хайка, от праародителя армянского народа⁹¹, значит, бесспорно, что уже во времена Хоренаци и до того их население было армянским. Другое свидетельство историка о том, что наместничество Арана было создано «на окраине армянского говора»⁹², свидетельствует, что междуречье Куры и Ерасха имело армянское население с древнейших времен⁹³. Наконец, если к этому прибавить ценное свидетельство Страбона о том, что при Арташесе I, когда армянские земли были объединены, «...все эти народности говорят на одном языке (на армянском)»⁹⁴, картина станет полной. Даже Мовсес Каланкатвацц, который вообще не говорит об этнической принадлежности, очень определенно подчеркивает, что араншахики армяне: «древний род «Айказеан-Ераншахики»⁹⁵.

О том, что население Сюника, Арцаха и Утика было армянским, ясно свидетельствует и Степанос Сюнеци (VIII в.). Удивительно, что этот факт Ф. Мамедова использует для доказательства обратного. Согласно ей, «сюнийский автор VIII в. Стефан Сюнийский отмечал, что и в его время в Сюнике и Арцахе говорили на сюнийском

⁸⁹ Б. Улубабян, О границах древнего Агванка («Вестник Ереванского университета», 1979, № 1, с. 109—124); А. А. Акопян, указ. соч.

⁹⁰ Ф. Дж. Мамедова, указ. соч., с. 244.

⁹¹ Мовсес Хоренаци, II, 8.

⁹² Там же.

⁹³ Там же.

⁹⁴ Страбон, XI, 14, 5.

⁹⁵ Мовсес Каланкатвацц, II, 17.

и арцахском языках»⁹⁶. Если допустить, что автор прочитала сведение Степаноса Сюнеци в оригинале и поняла его, то она попросту фальсификатор. Степанос Сюнеци говорит не о языках, а об окраинных диалектах: «И также (следует) знать все окраинные диалекты (*գրական հզերական*) своего языка (*գրա լեզուի*), кои суть корчайский и тайский и хутский и Четвертой Армении сперский и сюнийский и арцахский (*գՍիւնի, եւ գԱրցախալիւն*), а не тольк, срединный и центральный (*ալլ յի յիւսի գճիշերհրհալսի եւ գուսանիկսի*), ибо (и диалекты) эти пригодны для стихосложения, а также для (сочинения) истории полезны, дабы не упустить (что-то) из-за незнания языков»⁹⁷. Нет никакого сомнения в том, что здесь речь идет о диалектах армянского языка, следовательно, опираться на авторитет Гр. Ачаряна и настаивать на обратном, недостойно ученого, тем более, что точка зрения признанного арменоведа убедительно опровергнута Г. Джаукяном, доказана ее ошибочность⁹⁸. Излишне также обращение автора к Захарии Ритору, потому что у последнего наличие в Сюнике или Аране собственного языка в свете вышеотмеченного сведения свидетельствует об армянских диалектах и не удивительно, что и тот и другой упоминаются в составе Армении.

После падения Армянского царства, вследствие создания Албанского марзпанства, когда к нему были присоединены в 428—451 гг. Арцах и Утик, название Албания административно начало постепенно распространяться на правобережье Куры, чему существенно способствовал переход церковных епархий названных краев в Албанский католикосат. Распространение названия Албания в Правобережье было длительным процессом. Так, согласно Агатачгелосу, город Халхал гавара Ути был зимовьем армянских царей. Елише считает его зимовьем албанских царей, однако строго различает Арцах и Албанию, отмечая принадлежность первого к армянскому марзпанству⁹⁹. Как уже отмечалось, Мовсес Каланкатвацц также различает Утик и Албанию¹⁰⁰. Считаю нужным напомнить, что этот переходный период обусловил необходимость различения собственно Албании и приобретших название Албания армянских краев в «Ашхарацуйце». Закрепление названия Албания за правобережьем Куры ускорило особенно с того момента, когда для противопоставления армянских князей Восточных Краев Армении Армянскому марзпанству персидский двор пожаловал им царский статус и вследствие чего их стали называть араншахиками, т. е. царями Арана. Получается интересная путаница. С первого взгляда упраздненное в 462 г. Албанское царство вновь восстанавливается в конце века. В действительности же первое представляло собой царство, находящееся на левобережье Куры, к которому персидский двор присоединил некоторые земли правобережья Куры за персидскую ориентацию последнего, а второе было уже армянским царством, которое охва-

⁹⁶ Ф. Дж. Мамедова, указ. соч., с. 106, 108.

⁹⁷ Н. Адонц, Дионисий Фракийский и армянские толкователи, Петроград, 1915, с. 187.

⁹⁸ Г. Джаукян, Введение в армянскую диалектологию (статистическая диалектология), Ереван, 1972 (на арм. яз.).

⁹⁹ Егише, О Вардане и армянской войне, подготовка к печати и предисловие Е. Тер-Мпнасяна, Ереван, 1957, с. 94 (на древнеарм. яз.).

¹⁰⁰ Мовсес Каланкатвацц, I, 27.

тывало армянские области Арцах и Утик и с течением времени вовлекло в сферу своего влияния остальную территорию Албанского марзпанства. Восточная часть давно уже сформировавшегося армянского этноса, заняв главенствующее положение в марзпанстве, начинает даже арменизировать жителей левобережья Куры. То, что административные названия при определенных политических условиях могут географически распространяться, не соответствуя своей территории и этническому содержанию, доказывает история средневековья. Так, арабы дали название «Арминия» возникшему в Закавказье наместничеству и для них Иберия и Албания (Аран) были областями Арминии. Северная Армения, которая в XII—XIII вв. входила в Грузинское царство, рассматривалась Рашидом-эд-Дином как Гюрджистан (Грузия). Вот так и административное название Албания распространилось по всему правобережью Куры, а с того момента, когда достигшие царской власти араншахики Арцаха и позднее арменизированные Михрянны достигли также марзпанской власти, они могли считать себя князьями Албанского марзпанства или просто Албании, что и отразилось в сведениях, сообщаемых первоисточниками. Возникнув как Албанский католикосат, но превратившись в особый армянский епископат после перенесения на правобережье Куры, с сохранением традиционного названия так называемая Албанская церковь также способствовала распространению названия Алуанк на край.

Заглавие работы Ф. Мамедовой обещает читателю преподнести политическую историю III в. до н. э.—VIII в. н. э., однако автор позволяет себе ограничиться историей IV—VIII вв. Историю утверждения парфянских (почему-то автор называет их персидскими) Аршакидов Ф. Мамедова представляет в кривом зеркале. Если М. Броссе, С. Еремян, К. Тревер, А. Крымский, Н. Акинян, Б. Улубабян и другие исследователи, пусть даже иногда и ошибаясь, внесли определенный вклад в решение вопроса, то Ф. Мамедова только запутала его. Излишне даже подчеркивать, что упомянутый Мовсесом Хоренаци Аран—сановник армянского царя, является потомком Хайка и не имеет никакой связи с Албанским царством. В сущности то же самое говорит и заимствовавший данные Хоренаци Мовсес Каланкатваци. Из очень интересного свидетельства Тацита выясняется, что парфянский Аршакид Вонон (I в.), который правил сначала в Парфянском царстве, а потом в Армении, находясь под надзором римлян в Килкии, пытается «...перебежать в Армению, чтобы перебежать оттуда к албанам и гениохам и далее к своему родичу царю скифов»¹⁰¹.

Очевидно, что Аршакиды властвовали над скифами, так что их с большой уверенностью можно отождествлять с мазкутскими Аршакидами. В последующий период вследствие частых набегов северных кавказских горцев и, в частности, мазкутов, Албанское царство переживает упадок, а мазкутам удается утвердиться в Закавказье, в прибрежном краю Каспийского моря. «Ашхарацуйц», отражая древние реалии, восточную границу доводит до ныне называемой Ахсу реки, иными словами, автор «Ашхарацуйца» вводит утвердившееся в Закавказье Мазкутское царство в Азиатскую Сарматню, различая от собственно Албании¹⁰². Эта ситуация, по-видимому, сло-

¹⁰¹ Tacitus, Ann., II, 68.

¹⁰² К. П. Патканов, указ. соч., с. 16.

жилась в III в., а в конце III в. или начале IV в. мазкутам удается овладеть всей Албанией. В этой связи интересны данные Фавстоса Бузанда: «...иверской и албанской странами, то есть пределами мазкутов (в переводе ошибочно—«до пределов мазкутов»)»¹⁰³; «он (епископ Григорис) прибыл в стан аршакидского царя мазкутов, имя которого было Санесан, ибо и их цари и армянские цари были одного и того же происхождения и рода»¹⁰⁴. Фавстос с определенностью отождествляет Албанию со страной мазкутов, значит мазкутские Аршакиды только в силу традиции называются также албанскими, потому что вся территория Албании составляет часть мазкутского царства Аршакидов. Следовательно, Санесан является фактически царем Албании, а воюющие против армян в его войске «аланы»—в действительности «албанцами». Это часто встречающаяся в источниках того периода путаница. На этом фоне становится ясным, что история Албанского царства IV—V вв.—это история царства мазкутских Аршакидов. Автор, следуя К. Тревер, по ошибке царя Санесана отождествляет с армянским наместником Пайтакарана Санатруком¹⁰⁵. Причем, рассматривая этот вопрос, ей не следовало слишком прельщаться данными Мовсеса Каланкатваца, потому что последний, пытаясь обобщить сведения Фавстоса и Мовсеса Хоренаци, осмыслить их, запутал упомянутые события.

Если бы автор работы чуть углубила свой источниковедческий разбор, она бы поняла, что сведения Фавстоса Бузанда и Мовсеса Хоренаци дополняют друг друга, что провозгласивший себя царем в Пайтакаране Санатрук—армянский князь, который для распространения своей власти в Армении склоняет кавказских горцев к набегу на Армению тогда, когда сам он находился в Персии, приютившись у Шапура II. Мамедова должна была задаться вопросом, почему Санатрук, будучи мазкутским царем, должен был чинить козни против Григориса, тогда как известно, что Санесан просто приказал убить Григориса. Эти многочисленные почему обсуждены в последних арменоведческих исследованиях, в них четко и убедительно показывается, что Санесан и Санатрук разные личности. Однако Ф. Мамедова, зная об этих исследованиях, не сочла нужным даже упомянуть о них в своей монографии.

Мы остановились лишь на некоторых установках автора, между тем, в действительности ошибки, недостатки и фальсификации в ее работе этим не исчерпываются.

Перечислим некоторые из них. Не имея под рукой ничего, не одного факта или даже косвенного свидетельства, она осмеливается заявить, что древнегреческие книги переводились не с древнегреческого языка, а с сирийского и что грекофильская школа в Албании была слабо развита¹⁰⁶. Албанское царство, входившее в подвластное Сасанидской Персии Албанское марзпанство, и княжество Михранянов, достигшее позднее марзпанской власти, она считает самостоятельными государствами¹⁰⁷. По мнению автора, Армения после Тиграна Великого потеряла независимую государственность, а в Алба-

¹⁰³ «История Армении Фавстоса Бузанда», перевод с древнеармянского и комментария М. А. Геворгияна, Ереван, 1953, III, 5.

¹⁰⁴ Там же, III, 6.

¹⁰⁵ Ф. Дж. Мамедова, указ. соч., с. 172—185.

¹⁰⁶ Там же, с. 6, 8.

¹⁰⁷ Там же, с. 7.

нии она, наоборот, развивалась¹⁰⁸. Причем к этому заключению она приходит посредством несуществующих албанских «реалий», игнорируя все те сведения, которые указывают на то, что Великая Армения была третьей могущественной силой в Передней Азии после Рима и Персии. Увлеченная целью всячески принизить Армению, Ф. Мамедова доходит до абсурда, объявляя, что якобы Тигран Великий участвовал в триумфе Помпея¹⁰⁹.

Действительно или притворно, не понимая смысла и содержания названия «Великая Армения», она высказывает по крайней мере недружелюбные суждения в ее адрес, находя, что после Тиграна Великого она якобы перестала существовать. Мало-мальски сведущему в древней истории полагается знать, что Великая Армения — официальное название армянского царства, которым оно отличалось от Малой Армении, как Великая Мидия от Малой Мидии или Атропатены.

Разделы, посвященные экономике и городам Албанского марзпанства, мало отличаются от учебного изложения, а в строках, посвященных так называемой Албанской церкви, автор проявляет полную неосведомленность. Опираясь на легенду Елишая утверждать об апостольском происхождении Албанской церкви, значит еще раз расписаться в собственном дилетантстве. Вымышленный список 72 толкователей, который канонизирован еще в раннем средневековье и встречается в ряде армянских рукописей, имя Елишая, к несчастью Ф. Мамедовой, не содержит. Оспаривается автором и общеизвестный бесспорный факт, что Албанская церковь подчинялась Армянской церкви. Автору из-за отсутствия надлежащих знаний и навыков не удалось определить границы отдельных провинций и их локализацию. На помощь призываются безосновательные суждения З. Буциатова, которые подверглись серьезной и основательной критике в специальной литературе и в свое время принципиально были осуждены ЦК Компартии Азербайджана. Подобные отмеченные и неотмеченные постановки вопросов на первый взгляд вызывают улыбку, заставляют думать о недостаточной специальной подготовленности автора монографии. Однако затем они вызывают беспокойство, потому что часть их удивительно созвучна воззрениям некоторых турецких историков, которые с пеной у рта пытаются «обосновать» отсутствие государственности у армян, их пришлость на армянской земле и т. д.

Суждения и выводы Ф. Мамедовой, если вовремя не указать на их антинаучность, чреватые опасными последствиями. В дальнейшем нужно будет удесятить усилия, чтобы избавить историографию и, в частности кавказоведение, от причиненного ею ущерба. Так как вследствие логического продолжения всего этого объявляются албанскими известные памятники армянской архитектуры¹¹⁰, которые создавались в Восточных Краях Армении, то делаются попытки приписать албанцам создание армянских хачкаров этого края. Ф. Мамедова и ее единомышленники оказывают медвежьё услугу своему народу, который не нуждается ни в искусственном удревнении своей истории, ни в присвоении культурных ценностей соседних народов,

¹⁰⁸ Там же, с. 121—124.

¹⁰⁹ Там же, с. 121.

¹¹⁰ Результатом такого подхода следует считать объявление церкви деревни Кюкю, находящейся на территории Нахичеванской АССР, албанской (см.: «Нахичеванская АССР, Туристская карта», М., 1985).

потому что культурные ценности, созданные азербайджанским народом, процветающим во всех областях при Советской власти, неоспоримы и давно вошли в сокровищницу общечеловеческой культуры.

Ф. Мамедова представила этот свой брак в качестве докторской диссертации, а член-корр. АН Азерб. ССР И. Алиев пишет хвалебную рецензию, присоединяясь «ко всем основным выводам, сделанным автором». Более того, по его мнению, «... наш автор имеет смелость высказать свои убеждения, хотя противостоят ей нередко ученые с мировым именем. Однако немалая часть ученых грешит против истины. Это и маститый С. Т. Еремян, вопреки исторической истине на манер Павстоса Бузанда и Мовсеса Хоренаци конструировавший «централизованное рабовладельческое государство Великой Армении», когда такового не было, и такие фальсификаторы истории не только Албании, но и Армении, как А. Мнацакян, Б. Улубабьян, Ш. Смбатян, Г. Связян и другие, каждый из которых в меру своих «способностей» измышляет свои «истории» Албании. Все они получили от Ф. Мамедовой по заслугам. Она, не оставляя камня на камне от гигантской лжеконцепции, авторы которой полагают, что Албания,—это «Восточная Армения», «Восточный край Армении», «Армения Глубинная» и т. д.»¹¹¹. Комментарии излишни. Народная мудрость гласит, что слеп не тот, кто слеп, а тот, кто не хочет видеть. В лице Ф. Мамедовой и других, к сожалению, мы имеем дело именно с такими людьми, которые с большей строгостью выступили бы против настоящих албанцев, если бы каким-то чудом сегодня они объявились на левобережье Куры. Настоящих албанцев нет, и в этом плане им «повезло», их можно объявить и предками азербайджанцев и выступать с защитой их «интересов». Но вот есть армяне «Восточных Краев Армении» в Нагорном Карабахе и соседних районах, а также на остальной территории Азерб. ССР, насчитывающие несколько сотен тысяч, которых хотят называть албанцами. Пути таких фальшивых и модернизированных теорий следует пресечь, ибо, как это ни странно, что об этом говорит и И. Алиев, они «сбивают с толку широкую читательскую массу, внушают ей всевозможные вредные и вздорные идеи»¹¹².

XXVII съезд КПСС поставил большие и ответственные задачи перед советской историографией, и историки должны выполнить свой святой долг и внести весомый вклад в дело развития и укрепления интернациональной дружбы братских народов Советского Союза.

¹¹¹ Иггар Алиев, Серьезный вклад в албанистику («Известия АН Азерб. ССР, серия истории, философии и права», 1986, № 4, с. 112—113).

¹¹² Там же, 1986, № 1, с. 127.